

ПОЭТИКА РАННЕЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. В. НАБОКОВА: ИЗ РАССКАЗОВ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРИ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

З. С. Потапова

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

В статье рассматривается раннее творчество В. Набокова – малая проза, не опубликованная при жизни писателя. Рассказы «Говорят по-русски», «Звуки» и «Боги», будучи написанными в 1920-е годы, стали доступны русскоязычному читателю только в XXI веке. Публикация «Полного собрания рассказов» не только продемонстрировала общественный интерес к произведениям автора, но и подняла актуальный вопрос для литературоведов, изучающих наследие Набокова: роль и место неизвестных рассказов в общем контексте творчества писателя и научном дискурсе.

Целью данной работы является анализ поэтики рассказов Владимира Набокова «Говорят по-русски», «Звуки», «Боги» и сопоставление их с другими текстами писателя. Использование сравнительного метода позволило рассмотреть рассказы в их взаимодействии друг с другом, а также с такими знаковыми произведениями, как «Другие берега», «Машенька», «Дар», рассказами «Ассистент режиссера», «Рождество», драматургией. Вследствие этого были выделены общие для всего творчества автора тенденции, наметившиеся уже в эпоху первых серьезных обращений к прозе и получившие развитие и концептуальную оформленность в зрелый период: мотив ностальгии, образ России как утраченного рая, раскол мира на эмигрантский и советский, лиризм и импрессионизм прозы.

Ключевые слова: Набоков, рассказ, поэтика, «диалогичность» творчества, импрессионизм, двукомпонентные имена.

Введение

Владимир Набоков известен читателю как автор эпических, лирических и драматических произведений. Его творчество отличается многожанровостью: от малых форм (стихотворений, рассказов) до крупных (романов, романов-автобиографий, метаромана «Дар» (1938 г.)).

Начинавший как поэт, Владимир Набоков постепенно переходит к прозе в 1920-е годы. Помимо переводов на русский язык произведений Р. Роллана, Л. Кэрролла, писатель обращается к жанру рассказа. Однако большую популярность в ранний (берлинский) период получили все же романы: «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Король, дама, валет» и т. д.

«Возвращение Чорба» (1929 г.) стало первым сборником рассказов. Только после смерти писателя, в 1995 году, выходит сборник всей короткой прозы Набокова на английском языке [1]. Для русскоязычных читателей такое издание было подготовлено лишь в 2011 году.

Сборник примечателен тем, что он явился полным собранием рассказов В. Набокова, как уже известных до этого, так и обнаруженных в архивах писателя. В него включены 68 произведений, написанных с 1920 по 1951 год. Помимо знакомых рассказов «Весна в Фиальте», «Рождество», «Путеводитель по Берлину», «Облако, озеро, башня» и др., впервые на русском языке были опубликованы три рассказа: «Говорят по-русски» (1923 г.), «Звуки» (сентябрь 1923 г.), «Боги» (октябрь 1923 г.), которые стали исследовательским материалом для нас. Они представляют научный интерес, так

как не подвергались системному литературоведческому анализу. Этим обусловлена актуальность данной работы.

Цель статьи – рассмотреть особенности поэтики ранних рассказов, не опубликованных при жизни В. Набокова, и сопоставить их с другими произведениями писателя, что позволит включить рассказы «Говорят по-русски», «Звуки», «Боги» в общий контекст филологических исследований творчества автора, а также откроет перспективу анализа текстов В. Набокова не только по периодам и жанрам, но и с точки зрения хронологического развития.

Обзор литературы

Рассказ «Говорят по-русски» первым из ранее не опубликованной короткой прозы привлек внимание исследователей. М. Р. Напцок в статье «Рассказ В. Набокова “Говорят по-русски”: особенности художественного дискурса» [2] рассматривает произведение с точки зрения деления в нем дискурса на эмигрантский и советский, фиксируя уже в раннем творчестве Набокова ключевую роль образа дореволюционной России как потерянного рая и отмечая мотив установления границ между героями, распределяющимися по двум группам в зависимости от политических взглядов, языка, культуры и традиций.

Эту же идею освещают в своей работе А. В. Святославский и Е. В. Егорова «В. И. Ленин в литературно-художественной рецепции В. В. Набокова» [3]. Анализ образа «вождя» позволяет исследователям сделать вывод о нем, как о «...некоей универсалии тоталитаризма» [3, с. 329], он ста-

новится для автора средоточием всего советского, чуждого, расколовшего мир напополам.

А. Бабилов в работе «Сочетание стали и патологии. Владимир Набоков о советской литературе: Новые материалы» [4] поднимает вопрос об автобиографических причинах появления советского дискурса в текстах и важности разделения для писателя литератур двух миров.

Широко к проблеме исследования творчества В. Набокова обращаются современные литературоведы А. Долинин, С. Ильин, Г. Барабтарло, А. Люксембург, Г. Рахимкулова, Ю. Левинг, М. Маликова, О. Сконечная, И. Сухих, В. Старк, рассматривая как содержательные и концептуальные аспекты текстов писателя, так и особенности формы. При этом среди научных работ отсутствуют специальные исследования ряда рассказов Набокова, представленных читательскому вниманию недавно и открывших для филологов новый вектор изучения феномена данных произведений, которые образуют единую систему.

Методы исследования

В основе исследования лежат описательный, сравнительный, структурный, типологический и аналитический методы.

Результаты и дискуссия

Стилистическое сходство позволяет объединить рассказы «Звуки» и «Боги» в одну группу при исследовании их поэтики. Рассказ «Говорят по-русски» несколько отстоит от них, однако и в нем обнаруживаются ведущие мотивы, символы и тенденции творчества Набокова, проявившиеся в ранний период.

Текстам В. Набокова свойственны «диалогичность», «переключка», «переговаривание». Владимир Владимирович, выбрав тему для одного рассказа, мог позднее возвращаться к ней в другом рассказе или романе (и даже стихотворении), дополняя, перерабатывая ее, рассматривая ее «под другим углом». Общность тем и сюжетов, сходство героев мы находим в его различных произведениях (как это, например, случилось с романом «Лолита» (1953 г.), который концептуально переключается с более ранними произведениями: стихотворением «Лилит» (1928 г.) и повестью «Волшебник» (1939 г.)).

Рассказ «Говорят по-русски» представляет собой фантазию-утопию о жизни семьи эмигрантов, которые однажды встречаются в Берлине гэпэушника и решают не столько отомстить ему, сколько перевоспитать. Этот рассказ находится в диалоге с более поздними рассказами – «Бритва» (1926 г.) и «Ассистент режиссера» (первый английский рассказ, 1943 г.). Произведения становятся сюжетными «двойниками» рассказа «Говорят по-русски», в которых ситуация столкновения эмигранта с представителем органа госбезопасности переосмысливается. При этом в более позднем рассказе «Ассистент режиссера» писатель наруша-

ет им же принятую последовательность событий, и наказание совершается над эмигрантом (представителем Белого движения), выданным советской разведке.

«Говорят по-русски»: «И, судя по некоторым бумагам, был он самый что ни на есть гэпэушник. <...> Я нашел, что он смерти достоин, но предлагал заменить казнь пожизненным заключением» [5, с. 21–22].

«Бритва»: «Господин молча сел перед зеркалом и, промычав что-то, постучал тупым пальцем по неопрятной щеке, что значило: бриться. <...> Иванов открыл бритву и, когда стал точить ее о ремень, вдруг оправился от своего изумления и почувствовал, что этот человек в его власти» [5, с. 212–213]. «Будет с вас, – сказал он спокойно. – Я доволен, можете идти» [5, с. 214].

«Ассистент режиссера»: «Генерал Голубков зычно выбранил ветер, что было уговоренным сигналом к действию, зеленая дверь отворилась, и три пары рук с невероятной быстротой и сноровкой уволокли старика. <...> В нескольких заключительных эпизодах мы видим “Славску” в тюрьме. <...> Вот пишет закапанные слезами письма мадам Федченко, в которых говорит, что теперь они стали как бы сестры, потому что и у той, и у другой муж похищен большевиками» [5, с. 598–600].

Автор как будто проверяет реакции своих героев, просчитывает возможные варианты развития одного события. Так, рассказы обретают черты этюда, становятся этапом на пути к созданию крупного жанра (писатель-эмигрант в романе «Дар» (1938 г.)).

При этом во всех трех рассказах гэпэушники, оказавшиеся в Европе и столкнувшиеся с эмигрантами, не имеют имени, они носители так называемого «нулевого имени», то есть не названы автором. Единственное их обозначение – это «гэпэушник», «товарищ», «из наших мест», «господин», «этот человек», «большевик». В повествовании не важна его личность, важнее тип нового героя, нового человека Советской России, последователя новой власти.

Мотив гибели ребенка, ставший центральным в рассказе «Боги», эхом отзывается и в других произведениях Набокова. В рассказе «Оповещение» (март 1934 г.) центральным событием, приводящим к разрастанию конфликта, также является смерть сына главной героини Евгении Исаковны. Для героини пьесы в прозе «Событие» (1938 г.) Любви Трощейкиной символом ее несложившейся жизни и великой трагедии становятся гнетущие воспоминания о смерти ребенка. Помимо мотивной близости рассказа «Боги» и пьесы «Событие», мы также обнаруживаем детальное совпадение: образ мяча, с которым играл ребенок, становится напоминанием родителям об ушедшем сыне. Настолько земной, бытовой образ «оголяет» чувства матери и ее мысли о несправедливости и парадок-

сальности жизни, о таких категориях, как духовное и материальное, вечное и преходящее. Появляющийся в произведениях мяч как бы оглашает главный вопрос, поставленный смертью: почему мальчика (человека) уже нет, а его вещи остаются на земле. С подобной проблематикой мы сталкиваемся и в рассказе «Рождество» (декабрь 1924 г.), где роль мяча выполняет «...коробка из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом» [5, с. 187].

«Боги»: «Мальчик пинком поддал мяч, кинулся в дом. <...> Снова тьмой наполнились твои глаза. Я понимаю, конечно, о чем ты вспомнила. В углу нашей спальни, под образом – цветной резиновый мяч. Иногда легким и грустным прыжком он спадает со столика на пол, тихо катится. Положи его на место, под образ, и, знаешь, пойдём гулять» [5, с. 38].

«Рождество»: «...Нагнулся над принесенным ящиком. В нем он (Слепцов – прим. наше) собрал вещи сына – сачок, бисквитную коробку с каменным коконом, расправилки, булавки в лаковой шкатулке, синюю тетрадь» [5, с. 188].

«Оповещение»: «У Евгении Исаковны, старенькой, небольшого формата дамы, носившей только черное, накануне умер сын. Она еще ничего об этом не знала. <...> “Да что там в самом деле, – умер, умер, умер!” – но она уже боялась смотреть в его сторону» [5, с. 389, 394].

«Событие»: «Хотя бы эти детские мячи. Я не могу. Сегодня мамино рождение, значит, послезавтра ему было бы пять лет. Пять лет. Подумай.

Трошейкин.

А... Ну, знаешь... Ах, Люба, Люба, я тебе тысячу раз говорил, что нельзя так жить, в вослагательном наклонении. Ну – пять, ну – еще пять, ну – еще... А потом было бы ему пятнадцать, он бы курил, хамил, прыщавел и заглядывал за дамские декольте. <...>

Любовь.

Ах, да не в этом дело. Пускай он меня убьет, я была бы только рада. Дай мне какой-нибудь платочек. Ах, господи... Знаешь, я сегодня вспомнила моего маленького, – как бы он играл этими мячами» [6].

В «диалогичности», созвучности произведений Набокова, помимо обозначенной проблемы, мы находим ответы и решения. Так, вводя тему гибели ребенка, в рассказе «Рождество» и более раннем стихотворении «Живи. Не радуйся, не числи...» (1919 г.), также переключаясь с исследуемыми произведениями, автор дает жизнеутверждающий ответ о цикличности бытия, о победе жизни над смертью, о смелости воспринимать ее как этап и о чуде вновь нарождающейся жизни.

«Живи. Не жалуйся, не числи ни лет минувших, ни планет, и стройные сольются мысли в ответ единый: смерти нет» [7].

«Рождество»: «Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шелк кокона проникло тепло» [5, с. 189]. «Кругом тихо и по-весеннему пусто. Смерти нет. <...> Смерти не может быть. Мое сердце тоже пролетело сквозь зарю. У нас с тобой будет новый золотой сын. Он создан будет из твоих слез и сказок моих» [5, с. 44].

Мотив гибели ребенка (важно – мальчика), потери близкого человека отсылает к биографии писателя, которая часто становилась источником для его произведений. Мы можем предположить, опираясь на данные о жизни писателя и период создания рассказа «Боги», что этот мотив был следствием утраты отца в 1922 году после трагического покушения. Однако Набоков, склонный к мистификации, игре, обману, инверсивен и в сюжете. Он делает сюжет-перевертыш, где герои переживают смерть сына, и нам показана обратная ситуация: со стороны отца и матери.

В рассказе «Звуки», посвященном мимолетному чувству любви, где автор не просто изображает, а с любопытством, будто через увеличительное стекло, разглядывает историю вспыхнувшей страсти и охлаждения романтических отношений, мы находим черты первой возлюбленной В. Набокова – Валентины Шульгиной, переключки позже появятся в романах «Машенька» и «Другие берега».

«Звуки»: «Проходя мимо нас, она внимательно коснулась тебя гладкими, чуть раскосыми глазами» [5, с. 32].

«Другие берега»: «Примесью татарской или черкесской крови объяснялся, вероятно, особый разрез ее веселых, черных глаз и рдяная смуглота щек» [8, с. 259].

«Машенька»: «Когда она поворачивала в сторону лицо, обращаясь быстрым, смеющимся взглядом к соседке, он видел и темный румянец ее щеки, уголок татарского горящего глаза, тонкий изгиб ноздри, которая то щурилась, то расширялась от смеха» [9, с. 66–67].

Уже в ранних рассказах обнаруживается сквозной для творчества В. Набокова мотив утраченной родины как утраченного рая, ностальгии, выраженный через описание топоса.

В импрессионистских рассказах «Звуки» и «Боги» мотив ностальгии выражается через пейзажные описания, внимание к подробностям, узнаваемым чертам, маркирующим топос. У В. Набокова нет изображения родины, есть только впечатления, оставленные ею; ее восприятие рассказчиком посредством разных органов чувств: через зрение, слух, обоняние.

«Звуки»: «Проскрипели по темному коридору, затем – через просторный класс. Мимоходом взглянул я на голубоватую карту; подумал: вот вся Россия так – солнце, ухабы...» [5, с. 28]. «Я рассматривал – в сотый раз – толстое стеклянное пресс-папье:

внутри стекла – розоватая лазурь и Исакий в золотых песчинках. Ты рассмеялась и прочла вслух: – Вчера в ресторане “Квисисана” был задержан купец второй гильдии Ерошин» [5, с. 30].

«Боги»: «В воздухе тонко пахнет бензином и липой. Кто знает теперь, какой именно запах легонько обдал гостя, входящего в помпейский атриум? Через полвека люди знать не будут, чем пахло на наших улицах и в комнатах наших» [5, с. 38–39]. «В такой же солнечный и зыбкий день мы вернемся с тобой на север, в Россию. Будет очень мало цветов – только желтые звездочки одуванчиков вдоль канав. Будут гудеть нам навстречу сизые телеграфные столбы. Когда за поворотом ударят в сердце – елки, красный песок и угол дома, я покачнусь и паду ничком» [5, с. 41].

Художественный мир рассказов «Звуки» и «Боги» представлен через призму субъективного восприятия. Повествование лишено хронологических подробностей и последовательности. Рассказ «Звуки» разделен на пронумерованные части, которые посвящены моментальным впечатлениям героя, его ассоциациям с только что промелькнувшими в памяти событиями.

Повествование в произведениях строится как речь главного героя-рассказчика. В сущности, весь рассказ – это воспоминание-впечатление, внутренний диалог с близким человеком – возлюбленной или женой, – по жанру схожий с письмом.

«Звуки»: «Я помню тебя в каком-то просвете. У тебя были острые локти и бледные, словно опыленные глаза» [5, с. 26]. «Ты встретила меня на садовой площадке у ступеней веранды» [5, с. 35].

Эпистолярный и дневниковый характер создает границы внутри произведения, отделяя читателя от описываемого действия, «не впуская» его туда, придавая исповедальность рассказу, излагаемому самому себе или один на один: между героем и героиней.

«Боги»: «Улыбнись. Зачем ты смотришь на меня так скорбно и темно? <...> Улыбнулась! Мы выходим на балкон» [5, с. 37–38]. «Теперь иди одна. Я подожду тебя здесь. Глаза твои улыбнулись быстро и стыдливо. Ты ведь хорошо знаешь меня» [5, с. 43].

Рассказчик становится единственным транслятором истории, только через призму его взгляда мы воспринимаем события, его внутренний мир, чувства и ощущения. Предметом переживания для него становятся самые эмоционально насыщенные эпизоды человеческой жизни: влюбленность, страсть, потеря близкого. Не могущие быть выраженными в словах, а лишь через меняющееся состояние души, они наполняют тексты лиризмом, образностью и пейзажными описаниями.

По словам Б. Бойда [10], Набоков называл себя поэтом прозы, биограф писателя характеризовал рассказ «Боги» как длинное стихотворение в прозе. Опираясь на исследование Н. Н. Кундаевой [11], посвященное малой импрессионистской

прозе, в рассказах Набокова мы обнаруживаем упрощенные синтаксические конструкции, инверсивный способ построения предложения, рубленые фразы, вносящие динамику и эмоциональность в речевую манеру рассказчика, ритмизованность прозы, позволяющие сделать вывод об импрессионистской природе произведений: «Схватила за ручку стеклянной двери, дернула, не сразу могла открыть. Это было, вероятно, мучительно. Блеснуло. Захлопнулось» [5, с. 36]; «Трясогузка – сизый ветер – просеменила по песку: стоп, два – три шажка, стоп и опять шажки. Трясогузка, мундштук в моей руке, твои слова, пятна солнца на платье. Иначе быть не могло» [5, с. 35]; «Не задумывайся, не прерывай крик, выдыхай, выдыхай восторг жизни. Все цветет. Все летит. Все кричит, захлебываясь криком. Смех. Бег. Распущенные волосы. Вот – вся жизнь» [5, с. 39].

В рассказе «Говорят по-русски» мотив ностальгии трансформируется, обрастая политическими подробностями, погружаясь в иной контекст, обретает властоборческие настроения. Главный герой и его семья, схватив в своей табачной лавке гэпэушника, проводят «судебное разбирательство» и «приговаривают» его к заключению в тюремной камере, для оборудования которой отдают свою ванную комнату.

Однако главным приговором для заключенного становится перевоспитание. Помимо того, что гэпэушник содержится в комфортных условиях: «Эта система питания есть подражание системе, применяемой в лучших европейских тюрьмах» [5, с. 23], ему выделяются книги. Выбор хозяев падает на роман А. К. Толстого «Князь Серебряный», «Басни» И. А. Крылова и «В восемьдесят дней вокруг света» Ж. Верна, которые, очевидно, «честный коммунист», обучавшийся только политической грамоте, никогда не читал. Кроме того, по воскресеньям он слушает лекции о Пушкине, о Древней Греции.

Таким образом, семья героя рассказа «Говорят по-русски» строит модель мира, воспитывая человека будущего. В борьбе с большевизмом они решают начать с малого, с себя, своего дома, веря, что можно вернуть прежние времена, разрушив новую, только строящуюся политическую систему, если каждого ее активиста наставить на путь истинный, дать возможность получить образование. Так, рассказ пронизан утопическими идеями. Ностальгия для героев рассказа «Говорят по-русски» – это вера в возвращение на родину, не пассивное созерцание уходящей (или даже ушедшей) эпохи и воспоминания о ней, а активное действие, которое приведет к изменениям и восстановит справедливость: «Я предупредил его далее, что в одном только случае ему будет дана амнистия. А именно: он будет выпущен на свободу в тот день, когда лопнут большевики» [5, с. 23].

На фоне политического контекста в рассказе «Говорят по-русски» освещается тема тоталитарной власти новой России, отдельное внимание сосредоточено на фигуре В. И. Ленина, который, как правило, не появляется в произведениях Набокова в качестве действующего персонажа, а становится символом эпохи: «В рассказах и стихах Набокова 1920–1930-х годов фигура Ленина практически не вуалируется» [3, с. 322]. Рассказ «Говорят по-русски» не исключение. Однако здесь идея борьбы с большевизмом реализуется не только захватом гэтэушника, но и «победой» над «вождем», происходит его символическое убийство, приближенное к ритуалу, в смысл которого верят герои.

«Петя отправился в советский книжный магазин, который портит своим присутствием одну из прелестнейших берлинских улиц. <...> Петя выбрал молоток, разрисованный маками и украшенный соответственной для большевицкого молотка надписью. Приказчик осведомился, не угодно ли ему еще чего купить? Петя сказал: “Да, угодно” – и кивнул по направлению небольшого гипсового бюста господина Ульянова. <...> Ни слова не говоря, тут же на прилавке кокнул этим молотком по этому бюсту, да так, что господин Ульянов рассыпался» [5, с. 18].

Мир рассказа «Говорят по-русски» не целостен, он раскалывается на две части, два лагеря: эмигрантский и советский. По одну сторону мы видим семью эмигрантов, живущих в Берлине, по другую – представителей и реалии советского общества: гэтэушника, бюст Ленина, советский магазин. Границей раскола этого мира становится вовсе не эмигрантский Берлин, в который, как оказывается, тоже проникают так называемые «люди из прошлого», а табачная лавка Мартына Мартыныча (главы семьи эмигрантов), на которой читатель и рассказчик вскользь замечают вывеску с надписью «Говорят по-русски».

«Я мельком взглянул сквозь решетку на красные и золотые коробки, на смуглые сигары, на скромную надпись в углу: “Говорят по-русски”» [5, с. 19].

С одной стороны, на данный факт как на распространённое явление для Берлина 1923 года указывают редакторы «Полного собрания рассказов» Набокова: «Название рассказа представляет собой стандартное объявление, помещавшееся в русских магазинах и ресторанах Берлина в 20-х гг., когда Берлин был одним из центров русской эмиграции. Такое объявление отметил С. Сегаль, описывая в 1923 г. русский Берлин: “...заезжему человеку чуть ли не странным кажется это обилие русских магазинов, кафе, ресторанов, кабаре и т. д. И в самом деле: пройдешься в области “Вестена” – и зарядит перед глазами от великого множества вывесок, витрин, плакатов, реклам: “Здесь говорят по-русски”, книжный магазин “Родина”, ресторан “Медведь”, кафе “Москва”, концерт такого-то...

А в газетных киосках тоже бубнят о себе заголовки газет и журналов: “Дни”, “Накануне”, “Руль”...» [5, с. 715].

С другой стороны, помимо маркировки хромотопа, детали времени, эпохи, эта фраза, взятая и в качестве заглавия рассказа, выступает как шифр, пароль. Автор вводит оппозицию «свой – чужой», где свой – это не просто русский или русскоговорящий человек, а тот, кто осмеливается и может себе позволить говорить на русском языке за рубежом; чужой – тот, кто не владеет русским языком или в силу других обстоятельств не использует его.

«Зашел покупатель. Он, видно, не заметил надписи в окне – обратился ко мне по-немецки. Подчеркнем это: если бы он надпись заметил, то в мою эмигрантскую лавчонку не зашел. Я сразу признал в нем русского, по прононсу. Да и рожа у него была русская. Я, конечно, пустил в ход родной язык, спросил, так, в какую цену, какой сорт. Он неприятно удивился, посмотрел как-то так на меня, довольно нахально сказал: “Отчего это вы решили, что я русский?”» [5, с. 20].

Члены семьи главного героя рассказа «Говорят по-русски» при этом не только являются выходцами из прежней России, носителями русского языка, но и даже в своем облике демонстрируют черты подлинной русскости.

Жена Мартына Мартыныча «...пухлая, ласковая старуха» [5, с. 18], сын Петя «...был того же здорового склада, как и отец» [5, с. 18]. В образах сына и отца узнаваемы черты героев русского эпоса. В образе Пети подчеркиваются физические достоинства, он обладает незаурядной силой, Мартын Мартыныч, помимо этого, наделен внешним особенным сходством с богатырем.

«Затем мой Петя к нему подходит вплотную и кулачищем трах по скуле. Тот застыл. Как мне потом Петя объяснил, вышел не просто нокаут, когда человек сразу плюхается на пол, а нокаут особенный: Петя, оказывается, ударил с оттяжкой, и тот, стоя, уснул» [5, с. 21].

«А какая густая борода, так и блестящая русской сединой... А плечи, рост, повадка... Некогда шла про него молва, что будто он шашкой рубает на воздухе платок» [5, с. 17].

Особенными чертами русскости Набоков наделяет и персонажей рассказов «Звуки» и «Боги»:

«Баба (веснушки, косицы) пощурилась от солнца» [5, с. 28].

«Когда я мельком думал о Пал Пальче, мне почему-то казалось, что у него не только русые усы, но и борода такая. Мнимая борода – свойство многих русских лиц» [5, с. 30].

В рассказе «Боги» категория русского выражена через интерпретацию сказки о Курочке Рябе. История, которую главный герой не то рассказывает своей жене, не то излагает в личном дневнике или же просто погружается в фантазии, пронизана

узнаваемыми подробностями фольклорного сюжета: образом курочки, несущей золотые яйца, традиционными лексическими формулами («жили-были»), а также особым типом повествования с обращением к слушающему:

«А в одной деревушке на берегу Луары жил-был добрый хитроглазый крестьянин» [5, с. 42].

«Слушай дальше. Протекло некоторое время, и вот однажды крестьянин <...> услышал счастливого кудахтанья» [5, с. 42].

«Выскочила курочка и юркнула на солнце, быстро и не без гордости переваливаясь с лапки на лапку. А в полове жарко и гладко горели четыре золотых яйца. <...> Да иначе и быть не могло» [5, с. 42–43].

«Впрочем, все это случилось очень давно» [5, с. 43].

Сказка рассказчика становится терапией для героев, потерявших сына, из-за пережитого горя чувствующих себя уязвимыми, словно в детстве. История дарит им надежду, настраивает на необходимый счастливый финал, характерный для этого фольклорного жанра. В свою очередь родители в сказке наделяются ролями богов, способных исправить ошибки и подарить новую жизнь, продолжить ее.

Так, действующими лицами в ранних рассказах Набокова выступают не просто русские люди, а носители настоящей, неподдельной культуры. В интерпретации их образов важнейшее значение обретает специфика создания антропонимов.

В первую очередь на себя обращают внимание имена героев Мартына Мартыныча («Говорят по-русски») и Пал Палыча («Звуки»). Двойные, двукомпонентные имена появляются у Набокова довольно часто. Пожалуй, одним из самых известных подобных случаев в творчестве Набокова является дублированное имя Гумберт Гумберт (Humbert Humbert) из романа «Лолита». Этот прием исследователи объясняют желанием подчеркнуть самость героя, замкнутость, закольцованность его характера. На редупликацию имени как «...конечность, самовоспроизводимость определенных конструктов и установок» указывает Б. В. Ковалев в своей монографии «Имя в прозе» [12, с. 99]. Подобный феномен также восходит к занятиям Набокова энтомологией. Двойное имя как бы копирует манеру давать названия видам бабочек. В своей работе «A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths» Дитер Эдуард Циммер [13] приводит названия родов, видов и подвидов, которые давал Набоков: *Syclargus erembis*, *Lysandra cotmion*, а также и те, которые получили свое имя в честь Набокова-ученого и героев его книг: *Eupithesia nabokovi*, *Itylos luzhin*, *Itylos mashenka*, *Madeleinea lolita*, *Pseudolucia humbert*.

Также дублированное имя свидетельствует о раздвоенности сознания героя, наличии внутренних противоречий, борьбе двух стихий в нем. Этот

феномен подробно изучен в образе Гумберта Гумберта: «Используемое удвоение (Гумберт Гумберт) может пониматься как “тень человека” (ombre of an hombre). Здесь можно усмотреть намек на мрак наваждения, в котором пребывает повествователь, он же может рассматриваться как тень автора, как марионетка» [14, с. 130]. А. Б. Пеньковский называл антропонимы, построенные по модели «имя + отчество», таутонами [15, с. 331]. А. Долинин [16] отмечает, что подобные имена вырывают героя из общей традиции, он как бы лишается корней, замкнувшись на себе, в то же время являет собой амбивалентного персонажа. Амбивалентность Мартына Мартыныча кроется во внутренней борьбе русского интеллигента с эмигрантом, желающим отомстить гэпэушнику. Ближе к финалу рассказа мы видим уже несколько иного Мартына Мартыныча: не только современного «богатыря», но и человека, наслаждающегося своей миссией коменданта собственной домашней тюрьмы:

«С этого времени началась у нас новая жизнь. Я уже был не просто Мартын Мартыныч, а Мартын Мартыныч тюремный надзиратель» [5, с. 23].

«Старик в своей уютной домашней куртке действительно смахивал на тюремного сторожа. На ходу он вынул ключ, и в том, как он сунул его в замок, было что-то почти профессиональное» [5, с. 25].

Пал Палыч, человек старых устоев, подавляет в себе тайное чувство к главной героине. Его полутеческая влюбленность не осознается героями, но выражена в переживаниях Пал Палыча, в рассказе она дана как антипод мимолетного, угасающего чувства главного героя. В финале Пал Палыч как бы «раздваивается», уже не скрывая свое другое «я»:

«Над розовым зеркалом метнулась летучая мышь. Черным кружевом отражалась листва. Издали Пал Палыч кричал что-то, манил рукой. Другой Пал Палыч черной зыбью дрожал в воде» [5, с. 37].

Использование модели «имя + отчество» становится тенденцией в творчестве Набокова: Дмитрий Дмитриевич Новодворцев («Рождественский рассказ»), Вадим Вадимович Н. («Взгляни на арлекинов!»). Кроме того, подобный феномен отсылает нас к имени самого писателя Владимира Владимировича. Такое имяобразование часто встречается в генеалогии Набоковых, у которых самыми распространенными были имена Владимир и Дмитрий, чуть реже – Сергей и Николай, образующие в свою очередь двойные имена. Дядя Владимира Набокова носил имя Дмитрий Дмитриевич Набоков (1867–1948 гг.), а также его сын, двоюродный брат писателя, – Дмитрий Дмитриевич Набоков (1900–1982 гг.).

В исследовании Б. В. Ковалева «Имя в прозе» мы встречаем интерпретацию имени Мартын Мартыныч как отсылку к штабс-капитану Максиму Максимычу – персонажу романа «Герой нашего

времени» М. Ю. Лермонтова. В данном случае у В. Набокова имя Мартын Мартыныч становится именем-ключом, то есть «...косвенным указанием на имя объекта отсылки» [5, с. 28]. Действительно, обнаруживается и сюжетное сходство: Мартын Мартыныч, как и Максим Максимыч, рассказывает свою историю неизвестному повествователю, которому после предстоит переложить ее на бумагу.

Редупликация имени также роднит Мартын Мартыныча и Пал Палыча с фольклорными Иван Иванычами (позже – Семен Семенычами), ставшими распространенными героями расхожих историй, легенд и анекдотов, подчеркивая в очередной раз русскость персонажей Набокова, их народность, принадлежность к корням, прежней жизни России.

Кроме того, переключка с именем героя романа «Подвиг» Мартыном Эдельвейсом позволяет вновь образовать диалогические связи произведений («Говорят по-русски» – «Подвиг»), а также выстраивает цепочку героев-эмигрантов, характерных для творчества Набокова, а в случае с Мартыном героев-эмигрантов, не вернувшихся на родину.

Выводы

Таким образом, мы можем говорить о встроенности рассказов «Говорят по-русски», «Звуки» и «Боги» в общий корпус произведений Набокова, которые тематически, мотивно и концептуально дополняют друг друга, служат отражением друг друга, когда тема, преломляясь, раскрывается в новом свете.

Рассказы становятся важным звеном в понимании творческой мысли Набокова в целом и отдельных его романов в частности. На этот феномен указывал в предисловии к собранию рассказов сын писателя Дмитрий Набоков: «Рассказы Владимира Набокова <...> находятся среди его самых непосредственно доступных сочинений. Даже в тех случаях, когда они в той или иной мере сохраняют связь с более крупными произведениями, рассказы эти самодостаточны» [5, с. 7].

Литература

1. Nabokov, V. *Collected stories* / V. Nabokov. – Penguin, 2016.
2. Напцок, М. Р. Рассказ В. Набокова «Говорят по-русски»: особенности художественного дискурса / М. Р. Напцок // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуника-

ции: материалы международной научной конференции. – Майкоп, 2016. – С. 363–373.

3. Святославский, А. В. В. И. Ленин в литературно-художественной рецепции В. В. Набокова / А. В. Святославский, Е. В. Егорова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – С. 317–329.

4. Бабилов, А. А. Сочетание стали и патоки. Владимир Набоков о советской литературе: новые материалы / А. А. Бабилов // Литературный факт. – 2018. – С. 8–65.

5. Набоков, В. Полное собрание рассказов / В. Набоков. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2019. – 752 с.

6. Набоков, В. Событие / В. Набоков. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/piesa/sobytie-1.htm> (дата обращения: 20.05.2023).

7. Набоков, В. «Живи. Не жалуйся, не числи...» / В. Набоков. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/003.htm> (дата обращения: 20.05.2023).

8. Набоков, В. Собрание сочинения : в 4 т. / В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – Т. 4 : Приглашение на казнь. Другие берега. Весна в Фиальте. – 480 с.

9. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 : Машенька. Король, дама, валет. Возвращение Чорба. – 416 с.

10. Boyd, V. V. *Nabokov: The Russian years* / V. Boyd. – Princeton, 1990.

11. Кундаева, Н. Н. Жанровые тенденции в русской малой импрессионистской прозе первой трети XX века : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Кундаева. – Самара, 2013. – 301 с.

12. Ковалев, Б. В. Имя в прозе: очерки по номинологии / Б. В. Ковалев. – СПб. : Нестор-История, 2023. – 228 с.

13. Zimmer, D. E. *A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths* / D. E. Zimmer. – Hamburg, 2001. – 392 p.

14. Люксембург, А. М. Магистр игры Вивиан Ван Бок. (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура) / А. М. Люксембург, Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов-н/Д. : Изд-во института массовых коммуникаций, 1996. – 202 с.

15. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.

16. Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове / А. Долинин. – СПб. : Академический проект, 2004. – 400 с.

Потапова Зоя Сергеевна – кандидат филологических наук, экскурсовод отдела «Музей В. В. Набокова», Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: potapova.zoya@mail.ru

Поступила в редакцию 24 мая 2023 г.

POETICS OF V. V. NABOKOV'S EARLY SMALL PROSE: FROM STORIES NOT PUBLISHED DURING THE WRITER'S LIFE

Z. S. Potapova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with the early works of V. Nabokov – short prose that was not published during the life of the writer. «They speak Russian», «Sounds» and «Gods», written in the 1920s, only became available to Russian readers in the 21st century. The publication of *The Stories of Vladimir Nabokov* not only demonstrated public interest in the author's works, but also raised an urgent question for literary critics studying Nabokov's legacy: what is the role and place of these unknown stories in the general context of the writer's and scientific discourse.

The purpose of this work is to analyze the poetics of Vladimir Nabokov's «They speak Russian», «Sounds», «Gods» and compare them with his other texts. Comparing these stories allowed us to consider them in their relationship to one another and with such iconic works as «Other Shores», «Mashenka», «The Gift», «Assistant Director», «Christmas», and his plays. As a result, the tendencies common across Nabokov's works were identified, which were already outlined in the era of the first serious appeals to prose and developed and conceptualized in the mature period: the motif of nostalgia, the image of Russia as a lost paradise, the split of the world into emigrant and Soviet, and the lyricism and impressionism of prose.

Keywords: Nabokov, short story, poetics, dialogical creativity, impressionism, double names.

References

1. Nabokov V. Collected stories. Penguin, 2016.
2. Napsok M.R. Rasskaz V. Nabokova «Govoryat po-russki»: Osobennosti Khudozhestvennogo Diskursa [The Story by V. Nabokov «They Speak Russian»: Features of Artistic Discourse] // *Kross-kul'turnoe prostranstvo literaturnoy i massovoy kommunikatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Maykop, 2016. S. 363–373.
3. Svyatoslavskiy A.V., Egorova E.V. V.I. Lenin v Literaturno-khudozhestvennoy Retseptsii V.V. Nabokova [V.I. Lenin in the Literary and Artistic Reception of V. V. Nabokov] // *Vestnik Russkoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii*. 2021. S. 317–329.
4. Babikov A.A. Sochetanie Stali i Patoki. Vladimir Nabokov o Sovetskoy Literature: Novye Materialy [Combination of Steel and Treacle. Vladimir Nabokov on Soviet Literature: New Materials] // *Literaturnyy fakt*. 2018. S. 8–65.
5. Nabokov V. Polnoe sobranie rasskazov [Collected Stories]. SPb.: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2019. 752 s.
6. Nabokov V. Sobytie [The Event]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/piesa/sobytie-1.htm> (data obrashcheniya: 20.05.2023).
7. Nabokov V. Zhivi. Ne zhaluysya, ne chisli... [Live. Don't Complain, don't Count]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/003.htm> (data obrashcheniya: 20.05.2023).
8. Nabokov V. Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 4. Priglasenie na kazn'. Drugie berega. Vesna v Fial'te [Collected Works: in 4 vols. T. 4. Invitation to a Beheading. Other Shores. Spring in Fialta]. M.: Pravda, 1990. 480 p.
9. Nabokov V. Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 1. Mashen'ka. Korol', dama, valet. Vozvrashchenie Chorba [Collected Works: in 4 vols. T. 1. Mary. King, Queen, Knave. The Return of the Chorb]. M.: Pravda, 1990. 416 p.
10. Boyd B. V. Nabokov: The Russian years. Princeton, 1990.
11. Kundaeva N.N. Zhanrovye Tendentsii v Russkoy Maloy Impressionistskoy Proze Pervoy Treti XX Veka [Genre Trends in Russian Short Impressionist Prose in the First Third of the 20th Century]: dis. ... cand. filol. nauk. Samara, 2013. 301 s.
12. Kovalev B.V. Imya v proze: ocherki po nominologii [Name in Prose: Essays on Nominology]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2023. 228 s.
13. Zimmer D.E. A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths. Hamburg, 2001. 392 s.
14. Lyuksemburg A.M., Rakhimkulova G.F. Magistr Igrы Vivian Van Bok. (Igra Sloв v Proze Vladimira Nabokova v Svete Teorii Kalambura) [Master of the Game Vivian Van Bock. (Wordplay in the Prose of Vladimir Nabokov in the Light of the Pun Theory)]. Rostov-n/D.: Izd-vo Instituta Massovykh Kommunikatsiy, 1996. 202 s.

15. Pen'kovskiy A.B. Ocherki po russkoy semantike [Essays on Russian Semantics]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 460 s.

16. Dolinin A. Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina. Raboty o Nabokove [The True Life of the Writer Sirin: Works on Nabokov]. SPb.: Akademicheskii proekt, 2004. 400 s.

Zoya S. Potapova – Cand. Sc. (Philology), Tour Guide of the Nabokov Museum, Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg), e-mail: potapova.zoya@mail.ru

Received May 24, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Потапова, З. С. Поэтика ранней малой прозы В. В. Набокова: из рассказов, не опубликованных при жизни писателя / З. С. Потапова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 84–92. DOI: 10.14529/ssh230310

FOR CITATION

Potapova Z. S. Poetics of V. V. Nabokov's Early Small Prose: from Stories not Published during the Writer's Life. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 84–92. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230310
